
Максим Бывалый
ТАЁЖНЫЙ
СЧЁТ

Максим Бывалый

ТАЁЖНЫЙ СЧЁТ

«Автор»
2026

Бывалый М.

ТАЁЖНЫЙ СЧЁТ / М. Бывалый — «Автор», 2026

Тайга ошибок не прощает. Обычный ноябрьский выход на дальний кордон должен был стать для двадцатисемилетнего Виктора легкой прогулкой в компании опытного промысловика Маркыча. Два ружья, морозный лес и строго отмеренный запас патронов: пять дробовых, пять картечи и четыре пули. Всего по четырнадцать штук на брата.Но с приходом сумерек привычный мир замирает. На чистом снегу появляются огромные двуногие следы, оплавленные до самой мерзлой земли, а из чащи выходит то, против чего бессилен обычный свинец. Отрезанные от людей за десятки километров глухой тайги, двое охотников вступают в неравную схватку с древней лесной силой. Каждый выстрел здесь на вес золота, патроны тают, а до рассвета еще слишком далеко.

© Бывалый М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 11
Глава 3 14
Глава 4 17
Г 20
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Максим Бывалый
ТАЁЖНЫЙ СЧЁТ

Глава 1

Считанные шаги.

Часть 1. Утро на кордоне.

Ноябрь в этих краях всегда приходил без спроса — не мягкой осенней порошей, а сразу тяжелым, колючим студеным ветром, который за одну ночь срывал с лиственниц последние рыжие иголки и сковывал таежные ручьи прозрачным, звонким ледком.

В старой избе на окраине поселка, где доживал свой век шестидесятисемилетний Маркыч, печь топилась с четырех утра. Сухие березовые поленья стреляли редко, с тихим, домашним треском, наполняя низкую горницу густым теплом и запахом смолы.

Маркыч сидел у окна, при тусклом свете керосиновой лампы — электричество в поселке после ночного шквалистого ветра снова отрубило, но старик не жаловался. Привык. На расстеленной поверх клеенки старой брезентовой куртке лежал разобранный ИЖ-16.

Ружье было старое, курковое, еще советской, добротной сборки, с потертым до белизны воронением на колодке и глубокими, но ухоженными царапинами на ореховом прикладе. Каждая царапина имела свою историю: вот эту оставил сучок кедрача в восемьдесят четвертом, когда уходили от раннего паводка; а вот эта зарубка у затыльника — память о старом секаче, который вышел на старика в упор в ельнике за Большим Болотом.

Старик медленно, с какой-то почти молитвенной бережностью протирал стволы промасленной ветошью, потом поднял блок стволов к свету лампы, прищурив левый глаз. Внутри зеркально блестели идеальные, ровные кольца. Ни сыпи, ни раковин.

— Добро, — буркнул он себе под нос, в седые, прокуренные усы, и мягким, отточенным десятилетиями движением соединил стволы с колодкой. Щелчок замка прозвучал сухо и породисто, как выстрел пистона.

В углу, на скрипучей деревянной кровати, заворочался Виктор. Двадцатисемилетний парень, приехавший из города на неделю отпуска, высунул из-под тяжелого ватного одеяла взлохмаченную голову и с недоумением уставился на часы на стене.

— Маркыч… Ты чего в такую рань гремишь? Пять утра только. Свет еще не дали, темнотища на дворе, хоть глаз выколи.

— Вставай, город, — глухо отозвался старик, не оборачиваясь, и потянулся к кожаному патронташу. — Пока соберемся, пока чайку попьем, как раз рассвет займется. Тайга сонь не любит. Зверь по утреннему холодку ходит, а к обеду ляжет — и ходи потом, ноги топчи без толку.

Виктор вздохнул, спустил босые ноги на ледяные крашеные половицы и поежился. В городе он работал инженером-проектировщиком: теплый офис, кофемашина, мягкое кресло и редкие выезды на природу по выходным. В тайгу его тянуло странной, необъяснимой тоской — будто внутри сидела память предков, которой не хватало простора между бетонными коробками. А Маркыч был лучшим другом его покойного отца, и старик по старой памяти взял шефство над парнем, пуская его в свои угодья.

Пока Виктор умывался ледяной водой из рукомойника в сенях, фыркая и растирая лицо жестким вафельным полотенцем, Маркыч уже разливал по эмалированным кружкам крутой, почти черный чай, заваренный с листом брусники и сушеной чагой.

— Патронов много не бери, — наставлял старик, когда они сели за стол, нарезая крупными ломтями домашнее сало с прожилками мяса и черный ржаной хлеб. — Нам до дальнего кордона идти, там путики проверим, может, рябчика на шулюм возьмем или козла перехватим, если повезет. Спину себе свинцом не оттягивай.

Виктор кивнул, поглядывая на свое ружье, стоявшее у печки. У него был легкий, изящный ИЖ-20 — двадцатый калибр, одностволка-переломка, с которой он чувствовал себя уверенно на утиной зорьке, но в глухой тайге рядом с массивной «шестнадцаткой» Маркыча ружье казалось почти игрушечным.

— Я по минимуму взял, Маркыч. Как ты учил. Пять штук с семеркой на птицу, пять картечи на косулю и четыре пулевых «Спутника» на всякий случай. Четырнадцать штук всего.

Старик одобрительно кивнул, проверяя собственный поясной патронташ.— У меня ровно такой же расклад. Пять дробовых, пять картечи, четыре пули. Больше в лесу на дневной переход и не надо. Если за четырнадцать выстрелов не взял и не отбился — значит, не твой день, пора домой поворачивать.

Они вышли из избы, когда небо на востоке едва-едва начало сереть, окрашиваясь в холодный, свинцовый оттенок. Мороз щипал щеки, под сапогами звонко хрустел первый, еще не глубокий, но плотный ноябрьский наст. Собаку Маркыч с собой не взял — старый кобель Загря накануне сильно порезал лапу о мерзлый осот и теперь обиженно скулил в конуре, провожая хозяина тоскливым взглядом.

— Ничего, старый, отлежишься, — потрепал его по загривку Маркыч. — К вечеру вернемся, зайчатины принесу.

Старик еще не знал, что ни к вечеру, ни через сутки они в эту избу не вернутся.

Часть 2. Глухая тропа.

Первые три часа пути шли легко и споро. Маркыч шагал впереди широким, размеренным, чуть прихрамывающим шагом. Казалось, старик вообще не смотрит под ноги, но при этом он безошибочно обходил скрытые под тонким снегом коряги, мерзлые кочки и припорошенные ямы, в которые Виктор, шедший следом, проваливался каждые сто метров.

Тайга вокруг стояла величественная, древняя, застывшая в предзимнем оцепенении. Огромные, в два обхвата, кедры упирались мохнатыми вершинами в низкое серое небо. Между ними темнели густые ельники, переплетенные буреломом так плотно, что туда не пробивался даже дневной свет.

— Смотри, Витька, — тихо сказал Маркыч, останавливаясь у разлапистой пихты и указывая кончиком ствола на снег. — Видишь строчку?

Виктор присмотрелся. По чистому белому покрову тянулась цепочка мелких, аккуратных отпечатков, похожих на след маленькой собачки, только пальцы были сжаты плотнее.— Лиса?

— Соболь прошел, — усмехнулся старик. — Утром рано, еще по темну. Видишь, края у следа уже чуть подмерзли, коркой взялись? Часа три назад тут бежал, мышей в корнях искал. А вон там, глянь — глухарь ночевал.

В десяти метрах от тропы в сугробе зияла глубокая, аккуратная лунка, вокруг которой на снегу отпечатались широкие веера мощных крыльев.— Вылетел, как нас услышал, — пояснил Маркыч. — В тайге, парень, глаз да глаз нужен. Лес — он как книга. Кто читать умеет, тот никогда голодным не останется и в беду не попадет. А кто идет, как по городскому проспекту, только под нос себе глядя — того тайга быстро проучит.

К полудню они добрались до старых путиков — охотничьих троп, вдоль которых Маркыч еще с советских времен ставил капканы и плашки на пушного зверя. Старик неспешно осматривал ловушки, поправлял насторожки, подновлял приманку. Разговаривали мало, вполголоса — в глухом лесу громкий человеческий голос кажется чужим, режущим слух, словно удар топора по живому дереву.

Около двух часов дня сделали привал у старого выворотня, развели небольшой, бездымный костерок из сухого елового валежника. Вскипятили в закопченном котелке снежную воду, заварили чай, поджарили на прутиках по куску сала.

Виктор сидел на поваленном стволе, вытянув гудящие от непривычной нагрузки ноги, и с наслаждением вдыхал терпкий запах костра, хвои и морозного воздуха. Городская суета, отчеты, звонки телефона — всё это осталось где-то в другой вселенной, за сотни километров отсюда.

— Хорошо тут, Маркыч, — тихо сказал парень, глядя на пляшущие языки пламени. — Тишина такая, аж в ушах звенит.

Старик не сразу ответил. Он сидел, привалившись спиной к толстому корню, и внимательно смотрел куда-то вглубь темного ельника на севере, туда, где за увалом начиналась низина Чёрной речки. Лицо его было сосредоточенным, седые брови сдвинулись к переносице.

— Тишина-то тишина, — глухо произнес он наконец. — Да только не нравится мне сегодняшняя тишина, Витька. С утра ни одной сойки не крикнуло. Ни белки не цокнуло, ни дятла не слышно. Птица перед большой бедой или перед лютой непогодой так прячется. Погода вроде ровная, барометр дома не падал…

Маркыч плеснул остатки чая на угли. Костер зашипел, выпустив облачко белого пара. — Собирайся, парень. Не пойдем мы сегодня на дальний кордон. До старой заимки у Чёрной речки дойдем, там заночуем, а завтра по светлу домой повернем. Чует мое нутро — не надо нам сегодня дальше лезть.

Часть 3. Когда лес замолкает.

Обратный путь к заимке — старому бревенчатому пятистенку, который срубили еще геологоразведчики в семидесятых и с тех пор поддерживали в порядке местные охотники — занял больше времени, чем рассчитывал старик.

Небо к четырем часам дня затянуло плотной, тяжелой свинцовой пеленой. Сумерки в ноябрьской тайге не наступают постепенно — они падают сверху, словно тяжелое мокрое одеяло, за считаные минуты превращая белый снег в серый, а стволы деревьев — в черные, угрюмые силуэты.

Тайга под вечер казалась выкрашенной серой тушью. Столетний кедрач глушил любые звуки, кроме хруста наста под тяжелыми сапогами.

— Слышь, Маркыч… Может, поторопимся? До заимки с версту осталось, совсем темнота накроет, — Виктор поправил на плече ремень своего ИЖ-20, чувствуя, как между лопаток пробегает неприятный, липкий холодок. Сумерки в незнакомом лесу давили на психику, заставляя сердце биться чаще.

Маркыч не обернулся. Его старая «шестнадцатка» лежала на сгибе локтя привычно, как продолжение руки. В свои шестьдесят семь лет старик ходил по тайге ходко, но вечерние сумерки недолюбливал. Знал: в это время у леса появляются другие хозяева, которым лучше не попадаться на глаза.

— Не егози, Витька, — глухо отозвался старик, не сбавляя шага. — Тайга суеты не любит. Дойдем. Главное, под ноги смотри, тут волок старый, колей полно, ногу подвернешь — на себе не утащу.

Они вышли к старому заброшенному волоку всего в километре от теплой избушки, когда лес вокруг резко, в одну секунду, изменился.

Лопнул и пропал даже тихий, едва слышный шелест ветра в вершинах кедров. Стало так тихо, что Виктор отчетливо услышал, как стучит кровь в его собственных висках. Воздух внезапно стал тяжелым, густым, пахнущим старой, застоявшейся болотной водой и почему-то… мокрым пеплом, хотя на дворе стоял крепкий ноябрьский мороз и до ближайших гарей было верст двадцать.

Виктор замер как вкопанный, почувствовав, как волоски на затылке встали дыбом от липкого, необъяснимого животного страха.— Маркыч… Глянь сюда.

Старик остановился, обернулся, проследил за взглядом парня — и медленно опустил глаза на снег.

На чистом, нетронутом белом покрову прямо посреди старого волока отчетливо чернели свежие следы. Они шли поперек тропы, выходя из густого, непролазного пихтача слева и уходя в черный бурелом справа.

Следы были огромными, широкими, округлыми — раза в два шире самого большого мужского сапога. Но странно и жутко было не это. Существо шло на двух ногах. Шаг был шире человеческого вдвое, без малейшего признака волочения лап, как бывает у медведя. А в центре каждого отпечатка снег был не просто примят тяжестью — он оплавился до самой земли, обнажив черную прошлогоднюю хвою и мерзлую глину. От краев каждого следа в морозный воздух поднимался едва заметный, призрачный сизый парок.

Маркыч медленно, стараясь не делать резких движений, присел на одно колено, потянулся рукой к краю отпечатка, но не коснулся, лишь подержал ладонь в паре сантиметров над землей. От черного провала тянуло сухим, неживым печным жаром.

Старик поднялся. Лицо его за секунду окаменело, морщины у глаз стали глубокими, как трещины на старой коре. Он бесшумно переломил свое ружье. С глухим, еле слышным щелчком вытащил из стволов два патрона с семеркой — мелкой птичьей дробью, которую зарядил еще утром. Сунул их в карман суконной куртки. Опустил пальцы в кожаный патронташ.

Пять дробовых, пять картечи на косулю и четыре тяжелые пули «Спутник» на самого крупного зверя. Всего четырнадцать штук. У Виктора в его двадцатом калибре — ровно такой же расклад.

Старик молча, без единого лишнего звука загнал в патронники своего ИЖ-16 две тяжелые свинцовые пули и плавно закрыл стволы, придержав рычаг запирания пальцем, чтобы не щелкнуло.

— Маркыч, это медведь не лег спать? Шатун? — прошептал Виктор. Голос его сорвался на сип, пальцы в теплых рукавицах заметно дрожали, судорожно нащупывая в патронташе свои пулевые патроны двадцатого калибра.

— Медведь на двух ногах километрами не ходит, парень. И от медведя земля не горит, — Маркыч медленно поднял глаза, всматриваясь в густую темноту справа от волока.

Из мрака между толстыми, замшелыми стволами кедров на них смотрело *что-то*.

Оно стояло в полный рост, почти сливаясь с обгоревшей, темной корой старого дерева, но его силуэт ломал само пространство — казалось, морозный воздух вокруг существа дрожит, струится и искажается, как над раскаленным костром в летний зной. Фигура была неестественно высокой, сутулой, с длинными, ниже колен, руками, заканчивающимися чем-то похожим на черные, обугленные сучья. И самое жуткое — у него не было лица. Вместо глаз в темном провале головы горели два тусклых, неподвижных фосфорических пятна на уровне человеческого роста.

— Назад, тихо… К заимке, — едва шевеля губами, скомандовал старик, не снимая пальца со спускового крючка. — Спиной не поворачивайся. Шаг за шагом.

Они сделали три медленных шага спиной вперед, не отрывая взгляда от темного силуэта. Существо качнулось и бесшумно, словно скользя по воздуху над самым снегом, двинулось за ними. Ветки под его ногами не хрустели, снег не скрипел. Расстояние сокращалось пугающе быстро. На охотников повеяло сухим, удушливым жаром старого пепелища и запахом паленой шерсти.

— Не выдержу! — сорвался Виктор. Нервы городского парня не выдержали этой мертвой, давящей тишины.

Его ИЖ-20 рявкнул резко, по-собачьи. Хлёсткий выстрел разорвал оцепенение тайги, эхом прокатившись по верхушкам деревьев. От страха парень дернул прицел, и вместо пули, которую он в панике перепутал в патронташе, выстрелил картечью. Сноп свинцовых шариков срезал ветки пихты в метре от темной фигуры, осыпав снег хвоей.

Тень утробно, как треснувшее от лютой стужи вековое дерево, завыла. Звук пошел не из горла, а будто из-под самой мерзлой земли, отдаваясь болезненной, тошнотворной вибрацией в подошвах сапог и в грудной клетке. Существо рванулось вперед.

Минус один патрон картечи у Виктора. В его арсенале осталось тринадцать: пять дробовых, четыре картечи и четыре пули.

— Дурак! Картечь его не возьмет! — крикнул Маркыч. — Бегом! К избе!

Они бросились бежать по старому волоку, задыхаясь от ледяного, обжигающего легкие воздуха. Спасительный пятистенок заимки уже виднелся впереди — темный, приземистый силуэт избушки с заснеженной крышей среди лесных завалов. Но тень не отставала. Она почуяла страх, запах пороха или просто проснувшийся азарт ночной охоты. Тяжелое, горячее дыхание чувствовалось уже совсем рядом, прямо за спинами бегущих людей.

Виктор, оглянувшись на бегу, не заметил скрытую под снегом поваленную валежину, зацепился носком сапога и кубарем покатился в глубокий сугроб, выронив из рук ружье. Снег забился за шиворот, обжег лицо. Парень попытался подняться, но ноги запутались в сучьях.

Тень мгновенно выросла над ним, закрыв собой серое небо, и потянулась к горлу парня длинными, похожими на черные обугленные сучья отростками. От нее несло нестерпимым жаром.

Маркыч вскинул свой ИЖ-16. Старик не целился — в такие секунды не целятся. Он стрелял навскидку, тем самым инстинктом, которым всю жизнь бил взлетающего из-под ног глухаря.

Бах! Тяжелая свинцовая пуля шестнадцатого калибра триумфально свистнула и вошла точно в центр дрожащего силуэта.

Тень резко качнулась назад, издав пронзительный, шипящий звук. Воздух вокруг нее брызнул черными, густыми маслянистыми каплями, которые, падая на белый наст, злобно шипели и прожигали снег до самой мерзлой земли.

Не теряя ни доли секунды, старик подскочил к барахтающемуся в снегу Виктору, одной железной рукой ухватил его за шиворот суконной куртки, другой подхватил выроненное парнем ружье и рывком поставил его на ноги.— На чердак! В избу нельзя, зажмет! Личинку на двери сорвет враз!

Они добежали до стены заимки. Сбоку, под свесом крыши, стояла шаткая деревянная лестница, ведущая на сеновал-чердак. Маркыч буквально затолкал ошалевшего парня вверх по ступеням, сам взлетел следом за секунду до того, как тяжелое, раскаленное тело существа с глухим, сотрясающим землю ударом врезалось в бревенчатую стену внизу.

Избушка заскрипела, застонала старыми венцами, с крыши пластами съехал снег. Охотники втянулись в узкое фронтонное окно чердака и упали на старое, слежавшееся сено, тяжело, хрипло дыша.

Внизу, прямо под ними, тень начала ломать толстую дощатую дверь избы. Сухое дерево трещало с пистолетным звуком. Вокруг заимки из ниоткуда пополз густой, удушливый туман, а сквозь широкие щели в полу чердака потянуло нестерпимым жаром, запахом горелого торфа и могильной сыростью. Они были заперты в деревянной ловушке на высоте трех метров от земли, в полной темноте глухой сибирской тайги, имея на двоих двадцать шесть патронов и существо, которое пуля шестнадцатого калибра лишь ненадолго разозлила.

Маркыч в темноте наощупь переломил ружье, выкинул дымящуюся, пахнущую кислым порохом гильзу и загнал в ствол новую тяжелую пулю.

— Слушай меня внимательно, Витя, — тихо, прямо в ухо парню сказал старик. В его голосе впервые за весь день прорезалась ледяная, звериная тревога. — Патроны береги как зеницу ока. Стреляем только наверняка, в упор. Похоже, до самого рассвета нам придется отстреливаться от самой тайги...

Глава 2

Хозяин горелой гари.

Часть 1. В западне под крышей.

Старые бревна заимки затрещали так, будто в них на полном ходу врезался груженый лесовоз. Сруб глухо застонал, по венцам прошла тяжелая дрожь. Внизу, под полом чердака, с протяжным, мучительным визгом вырвало массивные железные петли входной двери. Тяжелая плаха из лиственницы рухнула на дощатый пол с глухим ударом, от которого с потолка и стропил чердака посыпалась сухая труха, паутина и пыль вековой давности.

Виктор вжался лицом в старое, слежавшееся сено, судорожно сжимая в побелевших, окоченевших пальцах цевье своего ИЖ-20. Дыхание рвалось наружу короткими, свистящими хрипами, в груди жгло от ледяного воздуха, которого он наглотался во время бега. Парень зажал рот толстой шерстяной рукавицей, до боли прикусив губу, лишь бы не выдать себя ни единым звуком.

Маркыч лежал в метре от него, вытянувшись на животе вдоль половиц. Старик положил вороненые стволы своей «шестнадцатки» прямо на край узкого чердачного люка, прикрытого лишь старой, рассохшейся доской без всякого засова. В непроглядной темноте чердака было видно только, как поблескивают седые, насупленные брови старика и тускло, матово отливает сталь стволов в слабом отсвете ночного неба, пробивающемся сквозь мутное фронтонное оконце.

— Тихо, Витька… Не дыши так громко, — едва слышно шепнул Маркыч, приникнув губами к самому уху парня. От старика пахло махоркой, суконной одеждой и спокойной, каменной уверенностью, которая чуть притупила панику в голове Виктора. — Оно носом не чует. Нету у него носа. Оно на тепло живое и на страх идет. Слышит, как кровь у тебя в жилах колотится. Успокой сердце, слышишь? Вспомни что-нибудь хорошее… Дом вспомни, мать. Выровняй дух.

Виктор закрыл глаза, заставляя себя дышать медленно: глубокий вдох носом, задержка, долгий выдох в рукавицу. Сердце постепенно перестало биться в самое горло, уходя куда-то вниз, но ледяной ужас никуда не делся — он лишь свернулся тугим, колючим клубком под ложечкой.

Внизу, в самой избе, раздались тяжелые, неторопливые шаги. Скрипели широкие половицы. Существо не бежало и не металось — оно *осматривалось*, словно хозяин, вернувшийся в свой дом после долгой отлучки и почуявший запах чужаков.

Сквозь широкие щели между досками потолка вверх потянуло удушливым, тяжелым запахом горелого торфа, старого, вымокшего под осенними дождями пепелища и паленой шерсти. А вместе с этим тошнотворным духом сквозь щели в полу пробивалось тусклое, пульсирующее багровое свечение, будто кто-то ходил по нижней комнате с раскаленной докрасна кочергой.

— Маркыч… Что это за тварь? — так же беззвучно, одними губами спросил Виктор, когда шаги внизу на миг затихли у печки. — Зверь ведь так не может… От него же жаром несет, как от мартена.

Старик помолчал несколько секунд, прислушиваясь к тому, как внизу с грохотом опрокинули деревянную лавку и зазвенела упавшая на пол жестяная кружка.

— Погорелец, — коротко, с какой-то горькой тяжестью выдохнул Маркыч. — Или Лешачий проклятый, как старики наши говорили. Место тут гиблом считается еще с девяносто шестого года.

— А что тут было в девяносто шестом? — еле слышно прошептал Виктор, не отрывая взгляда от светящихся багровым щелей в полу.

— Беда тут была, Витя. Большая беда, — глухо ответил старик, не сводя глаз с крышки люка. — В девяносто шестом лето сухое стояло, дождей три месяца не было. Тайга как порох высохла. И занесло сюда, за Чёрную речку, бригаду лесорубов-шабашников. Пьяные были, дурные. Пошли по тайге пал пускать — думали, так им проще деляну от бурелома очистить. Ветер к вечеру поднялся верховой, огонь в кроны ушел, стеной пошел. Лесорубы-то на тракторах удрать успели, а в старом зимовье, что в двух верстах отсюда стояло, дед-промысловик жил, Игнатий. Ноги у него больные были, не успел он до реки дойти. Заживо в той избе и сгорел вместе с собакой.

Маркыч тяжело сглотнул, сжимая шейку приклада так, что побелели костяшки пальцев.

— Мы его потом через неделю хоронили — от избы одни угли остались, а кости его у самой двери нашли, в косяк вцепился… С тех пор, говорят, по первому ноябрьскому снегу, когда земля стынет, ходит тут эта тень. Ни живой, ни мертвый. Огонь в нем внутри горит, и жжет его эта мука вечная. Вот и бродит он по старым волокам, ищет, кого бы из живых с собой забрать, чтоб не одному в темноте стыть.

Часть 2. Жар из-под половиц.

Внизу вдруг всё стихло. Тяжелые шаги оборвались ровно под чердачным люком.

Виктор затаил дыхание. Багровое свечение в щелях стало стремительно разгораться, превращаясь из тусклого отблеска в яркий, тревожный оранжевый свет. Доски пола прямо под животом парня начали нагреваться — сквозь толстую суконную куртку и шерстяной свитер потянуло сухим, нестерпимым печным жаром. Послышалось тихое, злобное, влажное шипение, будто раскаленное добела железо опустили в ведро с ледяной водой.

Существо стояло прямо под ними, задрав голову к потолку. Оно почуяло тепло двух человеческих тел, спрятавшихся под самой крышей.

Крышка люка в метре от охотников медленно, со скрипом приподнялась на пару сантиметров. В образовавшуюся узкую щель просунулись длинные, черные, обугленные пальцы, похожие на сухие, скрюченные сучья обгоревшей сосны. Когти на них были потрескавшимися, оплавленными. От этих жутких пальцев в морозную темноту чердака потянулись тонкие, удушливые струйки едкого сизого дыма.

Дерево крышки в том месте, где её касались черные пальцы, мгновенно задымилось и почернело. Крышка начала подниматься выше.

Маркыч не стал ждать, пока тварь высунет голову.

Старик чуть сдвинул тяжелый ствол своего ИЖ-16, прижал приклад плотнее к плечу и выстрелил прямо в упор, сквозь тонкую сосновую доску люка, целясь в самый центр багрового пятна под ним.

Грохот в тесном, замкнутом пространстве чердака ударил по ушам как пушечный выстрел. Вспышка пороховых газов на доли секунды ослепила, выхватив из мрака перекошенное от ужаса, белое как мел лицо Виктора, клубы пыли и суровый, каменный профиль старика. Тяжелая свинцовая пуля «Спутник» шестнадцатого калибра с треском прошила доску навылет.

Внизу раздался нечеловеческий, булькающий, клокочущий рев, от которого зазвенели стекла в единственном мутном оконце чердака и посыпалась мерзлая земля с завалинки. Черные обугленные пальцы судорожно дернулись, с визгом скрежетнули когтями по дереву, оставляя глубокие дымящиеся борозды, и исчезли. Тяжелая крышка люка с оглушительным грохотом захлопнулась на место.

— Перезаряжай! — рявкнул Маркыч, перекрывая звон в ушах, и сам ловко, наощупь переломил ружье, выщелкнув дымящуюся, пахнущую кислым порохом гильзу. — Не спи, Витька! Оно сейчас снаружи полезет! На крышу! По стене пойдет!

Будто в подтверждение его слов, снаружи заимки раздался тяжелый, глухой удар — тварь вышибла собой остатки дверного косяка и выскочила на улицу. Сруб заходил ходуном. По бревенчатой стене, цепляясь когтями за пазы между бревнами, быстро, с противным царапающим звуком полезло что-то огромное и тяжелое.

Тень закрыла собой тусклый лунный свет, падавший снаружи. В мутном, заиндевевшем стекле фронтонного окошка чердака мелькнули два тусклых, неживых фосфорических пятна. Существо висело на стене прямо за тонкой рамой, и стекло от его дыхания мгновенно покрылось сеткой трещин и потекло мутными каплями талой воды.

— Витька, бей! Пулей бей, не жалей! — крикнул старик, загоняя свежий патрон в свой ствол.

Виктор вскинул свою «двадцатку». Руки тряслись так сильно, что мушка плясала по всему окну, не желая останавливаться на цели. Стекло с сухим треском лопнуло внутрь — черная обугленная лапа уже проломила раму и тянулась внутрь чердака, цепляясь за подоконник.

Парень зажмурился, вжал приклад в плечо и рванул спусковой крючок.

Выстрел двадцатого калибра хлестнул сухо и зло. Пуля разнесла старую деревянную раму в щепки и ударила твари прямо в грудь. Существо с глухим, утробным уханьем оторвалось от стены и сорвалось вниз, рухнув в глубокий сугроб под завалинкой избы.

Часть 3. Находка у печной трубы.

На несколько секунд над ночной тайгой повисла мертвая, звенящая тишина. Только в ушах охотников гудел оглушительный набат после выстрелов в закрытом помещении, да где-то внизу, в темноте под стеной, злобно и протяжно шипел тающий под чьим-то раскаленным телом глубокий ноябрьский снег.

Виктор, задыхаясь и глотая пороховой дым, полез в поясной патронташ, чтобы перезарядить ружье, но пальцы в толстых шерстяных рукавицах совершенно не слушались. Он сдернул правую рукавицу зубами, нащупал холодный капсюль пулевого патрона… и вдруг замер, уставившись в дальний угол чердака.

Через выбитую раму окна внутрь теперь свободно падал холодный, серебристый свет полной ноябрьской луны, пробившейся сквозь тучи. Этот луч упал прямо на старую кирпичную печную трубу в углу чердака, где лежали сваленные в кучу старые рваные сети, пустые деревянные ящики и какой-то древний таежный хлам.

Там, в самом углу, прислоненный к кирпичной кладке, блеснуло что-то металлическое и тускло-желтое.

— Маркыч… — хрипло выдохнул парень, не отводя взгляда от угла и забыв даже закрыть ружье. — Глянь туда. Что это там светится?

Старик скосил глаза, не выпуская из прицела чердачный люк и прислушиваясь к каждому шороху снаружи. В углу чердака, прислоненный к старой печной трубе, лежал полуистлевший от времени брезентовый сидор — охотничий вещмешок, какие носили еще в восьмидесятых годах. Из-под сгнившей ткани торчала потемневшая от времени латунная гильза и плотный свиток белой бересты, прижатый сверху тяжелым, кованым охотничьим топором с коротким березовым топорищем…

Глава 3

Завет старого промысловика.
Часть 1. Наследство из прошлого века.

— Тащи сюда, — коротко, с хрипотцой бросил Маркыч, не отводя вороненых стволов от крышки люка. — Только не греми железом, слышишь?

Виктор кивнул, хотя в полумраке старик вряд ли мог это увидеть. Парень быстро, на четвереньках, стараясь не задеть разбросанные по полу сухие ветки и доски, добрался до кирпичной печной трубы. Вблизи находка выглядела так, словно пролежала здесь не одно десятилетие: старый брезент сидора почти истлел, превратившись в серую труху, а березовое топорище кованого топора потемнело от времени и печной сажи, но само широкое лезвие удивительным образом не тронула ржавчина — сталь отливала холодным, матовым блеском.

Виктор осторожно сдвинул тяжелый топор в сторону и потянулся за скрученный в тугую трубку кусок бересты. Вместе с корой из-под сгнившего брезента с тихим металлическим звоном выкатились три позеленевшие от времени латунные гильзы шестнадцатого калибра. Парень подхватил их в ладонь и на миг замер: гильзы были тяжелыми, снаряженными по старинке, но поверх пыжей они были запечатаны не привычным парафином или воском, а плотным, застывшим слоем чего-то белого и кристаллического, похожего на крупную каменную соль.

Сжимая находку в одной руке, а топор — в другой, Виктор подполз обратно к серебристому лунному лучу, падавшему из выбитого чердачного окна, и осторожно развернул жесткую, пересохшую бересту. Кора хрустнула, но не сломалась. На её внутренней, гладкой розоватой стороне острым кончиком охотничьего ножа были глубоко вырезаны неровные, угловатые буквы.

— Читай вслух, тихо, — велел Маркыч, напряженно вслушиваясь в звуки, доносившиеся снизу. — У меня глаза в темноте уже не те, да и отворачиваться нельзя.

Виктор прищурился, поднес бересту ближе к свету луны и начал читать, водя замерзшим пальцем по шершавым, пахнущим старым деревом строчкам:

— «Кто в избу придет по первому снегу — берегись. Не зверь то ходит, а Гарь Лесная. Сам я виноват, не уберегся, грех на душу взял, когда огонь по тайге пошел. Теперь ни покоя мне, ни смерти нет — жжет нутро огнем вечным. Свинец меня не берет, только злит пуще. Пока огонь внутри не остудишь — не отступлю, за собой утяну. Бей солью крупной, заговоренной, в самое нутро, либо железом холодным, в студеной воде омытым, перекрести. А как зашипит — не стой, уходи на большую воду, через лед студеный мне хода нет...»

Внизу, под полом чердака, вдруг раздался странный, пугающий шум. Погорелец поднялся из глубокого сугроба, куда рухнул после выстрела Виктора. Но на этот раз он не полез на стену и не стал ломиться в выбитую дверь.

Послышался резкий треск ломаемых сухих веток, тяжелое волочение чего-то большого по насту, а через минуту в широкие щели между досками потолка потянуло не просто привычной уже гарью — потянуло густым, едким, удушливым дымом свежего пожара. Снизу донеслось знакомое, жадное потрескивание занимающегося огня.

— Поджигает, гад… — глухо, сквозь зубы процедил Маркыч. — Сушняк и валежник под крыльцо стаскивает. Срубу сорок лет, бревна как порох сухие — вспыхнет за пять минут, сгорит заимка вместе с нами, как свечка.

Старик быстро оценил обстановку. Чердак превращался в мышеловку: снизу уже занималось пламя, его тревожные оранжевые отсветы заплясали на заснеженных лапах кедров вокруг поляны, а воздух в тесном помещении стремительно наполнялся горьким дымом, от которого начинало першить в горле и слезиться глаза.

— Так, парень, слушай команду, времени в обрез, — быстро, но без малейшей паники заговорил старик. — Гильзы те латунные, что нашел — дай сюда! Калибр мой, шестнадцатый! Дед Игнатий сам их крутил перед смертью, чувствовал, видать, беду.

Виктор сунул позеленевшие патроны в широкую ладонь старика. Маркыч осмотрел донца гильз при свете луны — старые капсюли «Центробой» потемнели и покрылись патиной, но вмятин от бойка на них не было. Старик привычным, отточенным движением переломил свой ИЖ-16, вынул из патронников две обычные свинцовые пули, сунул их обратно в патронташ и загнал в оба ствола находку из прошлого века.

— Берешь топор, — приказал Маркыч, кивая на тяжелое кованое лезвие, лежавшее у колен парня. — Заткни за пояс покрепче, чтоб не выронить. Ружье на ремень за спину, чтоб руки свободны были. Вылезаем через выбитое окно на козырек крыши, оттуда — прыгаем в глубокий сугроб с северной стороны, где ветер снег намел. Я его на себя возьму. Как только выстрелю — не оглядывайся и не вздумай геройствовать, беги прямиком к Чёрной речке. Там лед уже встал, за русло оно не перешагнет, в записке верно сказано.

— Я тебя одного не брошу, Маркыч! — глухо огрызнулся Виктор, сжимая свою «двадцатку» и чувствуя, как страх постепенно уступает место злой, отчаянной решимости. — Вместе зашли, вместе и выходить будем!

— Не спорь со старшим, щенок! — рявкнул старик, и в его голосе зазвенела такая командирская сталь, что Виктор невольно подчинился. — Я старый, я по тайге всю жизнь бегал, уйду. А ты молодой, тебе жить надо. Делай, как сказано! Пошли!

Часть 2. Прыжок в огонь и снег.

Снизу уже полыхало вовсю. Языки пламени лизали бревенчатые стены, доски пола под ногами стали нестерпимо горячими, а дым валил сквозь щели плотной серой завесой.

Маркыч первым подтянулся на руках, пролез в узкий, разбитый проем фронтонного окна и выбрался наружу, на покатый, занесенный толстым слоем снега козырек крыши над крыльцом. Виктор выскочил следом, едва не зацепившись ремнем ружья за торчащий гвоздь рамы.

Картина внизу заставила парня затаить дыхание. Перед пылающим крыльцом заимки, освещенный ярким, пляшущим оранжевым светом пожара, стоял Он. Высокий, неестественно худой и сутулый, словно вырезанный из обугленного ствола вековой лиственницы, с горящими внутри груди глубокими багровыми трещинами, из которых сыпались мелкие искры.

Почуяв движение наверху, Погорелец резко вскинул голову. Две тусклые фосфорические точки уставились прямо на Маркыча, стоявшего на краю заснеженного ската. Тварь издала леденящий душу, протяжный свист, похожий на завывание зимней вьюги в печной трубе, и одним огромным, нечеловеческим прыжком метнулась к стене избы, цепляясь черными обугленными когтями за бревна.

Маркыч не стал спускать курок сразу. Старик стоял на краю крыши неподвижно, как каменный истукан, выжидая, пока существо поднимется почти до самого свеса, всего в двух метрах от дульных срезов его ружья.

Когда черная, пышущая жаром пасть твари оказалась прямо перед ним, старик нажал оба спусковых крючка одновременно.

Раздался сухой, оглушительный, какой-то «неправильный» двойной выстрел — старый дымный порох, пролежавший на чердаке тридцать лет, выплюнул сноп багрового пламени и густое облако едкого белого дыма. Заряд крупной заговоренной соли с близкого расстояния ударил точно в светящуюся багровую трещину на груди твари.

Эффект превзошел все ожидания. Погорелец взвыл так, что с соседних кедров пластами посыпались тяжелые снежные шапки. Из его груди вместо багрового света хлынул черный, удушливый пар, шипящий так громко, словно в раскаленную топку вылили ведро ледяной воды. Существо потеряло опору, сорвалось с бревен и кубарем рухнуло вниз, в сугроб, катаясь по снегу и оставляя за собой глубокие, дымящиеся черные борозды.

— Прыгай! — заорал Маркыч, отбрасывая в сторону бесполезную теперь латунь и на ходу переламывая ружье, чтобы зарядить обычные пули.

Они вместе перекинули тела через северный край крыши. Глубокий, нетронутый сугроб за избой принял их мягко, поглотив с головой. Ледяной снег мгновенно забился за шиворот, в рукава, обжег разгоряченные лица, но падение прошло без единой травмы.

Охотники выкарабкались из снежного плена, встали на ноги и, утопая по колено в рыхлом насте, бросились бежать в сторону темной низины, где в полуверсте отсюда вилась замерзшая лента Чёрной речки. За их спинами трещали и рушились охваченные пламенем бревна заимки, озаряя ночную тайгу зловещим багровым заревом.

Но тишина за спиной длилась недолго. Спустя минуту сквозь треск пожара донесся глухой, полный звериной ярости рев. Погорелец оправился от соляного удара и снова шел по следу. Правда, двигался он теперь заметно медленнее, тяжело волоча правую ногу и оставляя за собой шлейф черного дыма, но расстояние между ним и бегущими людьми всё равно сокращалось слишком быстро.

Часть 3. Схватка на берегу.

Виктор бежал первым, грудью пробивая дорогу сквозь густой, занесенный снегом подлесок, за ним, тяжело дыша, но не отставая, шел Маркыч. Легкие горели от морозного воздуха, ноги налились свинцом, каждая кочка под снегом грозила обернуться вывихом.

Когда сквозь редкие стволы прибрежных ив уже блеснула ровная, заснеженная гладь Чёрной речки — до спасительного льда оставалось метров пятьдесят, — из-за толстого ствола поваленного кедра наперерез Виктору метнулась черная тень. Тварь срезала угол по бурелому, обойдя охотников с фланга.

Парень не успел даже сдернуть ружье с плеча — страшный, тяжелый удар обугленной лапы пришелся ему в бок, отбросив в сторону и выбив ИЖ-20 из рук. Виктор рухнул на спину в глубокий снег, больно ударившись затылком о скрытый под настом корень. В глазах потемнело, дыхание перехватило.

Тень мгновенно выросла над ним, закрыв собой звезды, и наклонилась, обдавая лицо парня невыносимым, сухим жаром пепелища. Черные, скрюченные пальцы с оплавленными когтями потянулись к его горлу.

В голове Виктора пронеслись слова из берестяной записки: «...либо железом холодным, в студеной воде омытым, перекрести...»

Не помня себя от страха и ярости, парень рванул из-за пояса тяжелый кованый топор деда Игнатия и со всей силы, которую только смог собрать в онемевших руках, снизу вверх всадил широкое стальное лезвие прямо в центр пылающей багровой трещины на груди существа.

Раздался оглушительный, шипящий звук — точно такой же, какой издает раскаленный добела кузнечный клинок, опущенный в бочку с ледяной колодезной водой. Холодная сталь вошла глубоко, почти по самый обух.

Погорелец замер, словно наткнувшись на невидимую стену. Его черное, обугленное тело судорожно дернулось, затрещало, рассыпаясь в морозном воздухе тысячами мелких тлеющих искр, и с долгим, протяжным стоном, в котором вдруг почудилось человеческое облегчение, осело в снег. Через несколько секунд на месте жуткой твари осталась лишь горстка холодного, черного пепла, поверх которого лежал старый охотничий топор.

Маркыч подбежал через мгновение, тяжело опираясь на свое ружье, перевел сбитое дыхание и долго смотрел на дымящееся лезвие в золе.

— Ну вот… — хрипло выдохнул старик, сдергивая шапку и вытирая рукавицей мокрый от пота лоб. — Упокоили деда Игнатия. Отмучился, бедолага. Иди-ка сюда, Витька, дай-ка я тебя подниму… Пойдем на речку. Ночевать на льду будем, у костра. Заимка наша сгорела дотла, до утра в тайге без огня замерзнем.

Глава 4

Шёпот Чёрной речки.

Часть 1. Ночь на речном льду.

Ночевать на голом речном льду в ноябре — испытание не для слабых. Выбравшись на середину замерзшего русла Чёрной речки, где толстый прозрачный лед уже надежно сковал течение, Маркыч первым делом проверил его прочность обухом того самого старинного топора, который Виктор на всякий случай вытащил из пепла, тщательно обтер снегом и сунул за пояс.

— Держит, — буркнул старик, прислушиваясь к глухому, монолитному стуку стали о лед. — Сантиметров пятнадцать есть. Здесь и встанем. На берег в кусты не полезем — под открытым небом спокойнее, всё кругом видать.

Спустя полчаса посреди белой речной глади уже весело потрескивал большой костер. Сухой плавник и смолистые сосновые сучья, которые они натаскали с береговой отмели, горели жарко, почти без дыма, растапливая под собой лед в неглубокую лужу, которая тут же схватывалась по краям прозрачной коркой.

Охотники сидели на охапках лапника, прислонившись спинами друг к другу, чтобы не терять из виду оба берега. Пить было нечего — котелок и фляга остались в сгоревшей заимке, поэтому приходилось топить снег прямо в жестяной банке из-под тушенки, которую Виктор случайно сунул в карман еще днем, да жевать замерзшие сухари.

— Маркыч, а как же дальше? — тихо спросил Виктор, глядя на пляшущие в темноте искры. Спина ныла от удара обугленной лапы, а перед глазами до сих пор стояли две фосфорические точки в темноте. — До поселка ведь верст тридцать, не меньше. Без еды, без спальников…

— Дойдем, Витя, не дрейфь, — спокойно отозвался старик, поворачивая к огню озябшие ладони. — До поселка тридцать, а до базы геологов на Северном мысу — всего ничего, километров двенадцать по речке. Там и печка, и продукты в лабазе должны быть, и рация рабочая. Мужики там до декабря обычно сидят, образцы породы бьют. Главное — до утра дотянуть, а по светлу оно всегда веселее шагается.

Остаток ночи прошел в тревожной полудреме. Тайга вокруг стояла мертвая, черная, лишь изредка со стороны сгоревшей заимки доносился треск догорающих бревен. Лед под охотниками пару раз гулко, протяжно вздохнул, сжимаясь от ночного мороза, заставив Виктора каждый раз хвататься за ружье, но больше никто из леса не вышел.

Утро выдалось серым, ветреным и колючим. Едва небо на востоке окрасилось в мутный, свинцовый цвет, охотники затоптали угли костра, закинули ружья за спины и тронулись в путь вверх по течению реки.

Часть 2. Мёртвый омут.

Первые два часа шли бодро. Лед у берегов был припорошен тонким слоем снега, идти по нему было куда легче, чем пробивать дорогу по пояс в сугробах глухого кедрача. Маркыч шагал впереди, внимательно поглядывая то под ноги, то на крутые, заросшие густым ельником берега.

Но к полудню погода резко сломалась. Небо заволокло низкими, рваными тучами, поднялся пронизывающий, порывистый северный ветер. Снег посыпал сначала мелкой сухой крупой, а затем закружил плотной, злой низовой метелью. Поземка стелилась по льду белыми змеями, забивая глаза и мгновенно заметая следы. Видимость упала до двадцати шагов.

Река в этом месте круто поворачивала, зажатая с обеих сторон высокими, обрывистыми берегами, поросшими мрачным, переплетенным буреломом пихтачом. Течение здесь замедлялось, образуя широкий, глубокий плес, где лед был темным, почти черным, без снежного покрова.

Маркыч остановился, нахмурившись, и сдвинул шапку на затылок.

— Не люблю я это место, Витя, — глухо сказал старик, перекрывая завывание ветра. — Местные его «Мёртвым омутом» зовут. Говорят, еще до революции тут обоз купеческий под лед ушел вместе с лошадьми. Водовороты тут сильные по весне, лед снизу подмывает даже в крепкий мороз. И дух тут нехороший живет… В туман или в метель голоса путников сбивают.

— Какие голоса? — крикнул в ответ Виктор, поднимая воротник куртки от ледяного ветра.

— Сам услышишь, если не повезет. Иди след в след за мной, на середину не суйся и в стороны не гляди, что бы ни почудилось!

Они прошли по черному, гладкому как зеркало льду омута не больше ста метров, когда сквозь монотонный, унылый вой ветра со стороны правого, обрывистого берега вдруг донесся тонкий, прерывистый, полный отчаяния женский крик:

— Помогите… Кто-нибудь… Замерзаю…

Виктор встал как вкопанный, инстинктивно сдергивая с плеча свой ИЖ-20. Сердце екнуло от неожиданности.— Маркыч! Слышишь?! Женщина кричит! Заблудился кто-то!

Старик мгновенно развернулся и железной хваткой вцепился в рукав парня, сжав так, что пальцы впились в плечо до боли.— Стоять! Не смей сходить со льда!

— Ты чего, старый?! Там человек погибает! — рванулся Виктор, пытаясь вырвать руку. — Слышишь, плачет!

— Какая женщина в ноябре за сорок верст от ближайшей деревни, дурень?! — прошипел Маркыч, оглядываясь по сторонам и взводя курки своей «шестнадцатки». — Глаза разуй! Где следы? Где дым от костра?

Из белой снежной круговерти у самого обрыва показалась неясная фигура. Девушка в легком полушубке без шапки стояла по колено в прибрежном сугробе и отчаянно махала рукой, жалобно зовя на помощь. Но стоило Виктору присмотреться сквозь пелену метели, как по его спине побежал ледяной холод: снег под ногами девушки не проминался, а сильный порывистый ветер даже не шевелил ее распущенные темные волосы.

— Морок это, Витька, — тихо, сквозь зубы сказал Маркыч. — Болотный дух или хозяин омута. Заманит в полынью — и поминай как звали. Смотри на лед под ней — там промоина черная, тонкой коркой припорошенная. Шагнешь туда — и утянет на дно за секунду.

Часть 3. Ледяной плен.

Фигура на берегу, поняв, что охотники не идут на зов, вдруг страшно изменилась. Жалобный, дрожащий плач оборвался, сменившись противным, скрипучим, булькающим хохотом, от которого заныли зубы. Фигура растворилась в воздухе, а из снежной пелены со всех сторон к центру реки потянулись густые, белые, почти невидимые в метели жгуты ледяного тумана.

Они стелились прямо по черному льду, быстро окружая охотников плотным кольцом и отрезая путь назад. Воздух вокруг мгновенно стал невыносимо студеным — влага на ресницах и бровях замерзла за секунду, а дыхание перехватило от ледяного пара. Метель сгустилась настолько, что берега исчезли полностью.

— Сбивает с толку, глаза застилает, чтоб кругами ходили! — крикнул Маркыч, прижимаясь спиной к Виктору. — Стреляй вверх, дробью! Разбей воздух, порохом пугни!

Виктор вскинул ружье и выстрелил в белую, крутящуюся над головой пелену. Мелкая птичья дробь с сухим, хлестким треском распорола густой туман. Вокруг раздался странный,

высокий звон, похожий на треск разбитого хрустального бокала, и белые жгуты на миг отпрянули в стороны, открыв узкий просвет впереди.

— Бегом вперед, вдоль берега! Не смотри по сторонам, смотри только на мои сапоги! — скомандовал старик, бросаясь в образовавшийся просвет.

Они побежали по скользкому, запорошенному льду. Туман снова сомкнулся за их спинами, и из белой мглы теперь доносились десятки разных, пугающе знакомых голосов — то голос покойной матери Виктора звал его домой, то громко смеялись знакомые мужики из поселка, то заливисто лаяли охотничьи собаки, словно где-то совсем рядом шел загон зверя. Голова начинала кружиться, ноги наливались тяжелым свинцом, а в груди поднималось странное, сладкое оцепенение — неудержимо тянуло остановиться, присесть на снег и свернуть к заманчивым теплым огонькам, замигавшим в густом ельнике справа.

— Не слушай! Плюнь через плечо, Витька, не смотри на огни! — рявкнул Маркыч на бегу.

Прямо перед стариком черный лед вдруг с пушечным треском раскололся, и из образовавшейся полыньи, взламывая наст, стремительно поднялась высокая, полупрозрачная фигура, сотканная из ледяной крошки, инея и темной, бурлящей речной воды. Она преградила им путь, вытянув длинные, острые как сосульки руки, от которых веяло могильным холодом.

Маркыч даже не сбавил шага. Вскинув «шестнадцатку» одной рукой, старик почти в упор разрядил в ледяную преграду патрон с крупной картечью.

Бах! Тяжелая свинцовая картечь шестнадцатого калибра с грохотом разнесла ледяной силуэт на миллионы мелких, сверкающих осколков, которые с шумом и звоном осыпались на лед.

Не останавливаясь ни на секунду, охотники проскочили сквозь осыпающееся ледяное облако, перепрыгнули через парящую черную полынью и через двести метров, задыхаясь и скользя по камням, выбрались на высокий каменистый перекат, где река круто поворачивала на север.

Метель здесь стихла так же внезапно, как и началась. Пугающие голоса в тумане мгновенно оборвались, словно кто-то выключил старое радио, а впереди, на высоком кедровом мысу над рекой, показался заветный бревенчатый домик базы геологов с высокой железной трубой на крыше.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.